№ 8 (21). Среда, 24. 1. 1945 г.

„Wolja Naroda" („Der Volkswille")

ВОЛЯ НАРОДА

Цена: 20 пф.
Preis: 20 Pfg.
Год издания I-й
1. Jahrgang

ОРГАН КОМИТЕТА ОСВОБОЖДЕНИЯ НАРОДОВ РОССИИ

ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В НЕДЕЛЮ

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
Berlin C 2,
Magazinstraße 15-16.

Кредитное соглашение

18-го января 1945 года в Берлине подписано кредитное соглашение между Германским Правительством и Комитетом Освобождения Народов России.

Подписание этого кредитного соглашения является новой вехой на пути общей борьбы против большевизма. Освободительное Движение получает прочную материальную базу в виде кредита, который Германское Правительство предоставляет Комитету Освобождения Народов России.

Отныне перед нами открываются новые широкие возможности по укреплению материальной базы нашего движения.

То дело, душой которого является генерал Власов, зародилось и начало крепнуть в трудных условиях, когда не для всех было до конца ясно, где правда, кто самый страшный враг свободолюбивых народов России и всей Европы.

Германское Правительство оказывает широкую поддержку Освободительному Движению Народов России, не претендуя на честь и суверенные права нашей Родины. Заключенное 18-го числа кредитное соглашение между Германским Правительством и Комитетом Освободительного Движения Народов России представляет один из важных моментов, доказывающих то взаимопонимание и обоюдное доверие, которые в настоящее время имеют место между руководителями Германского государства и нашим Комитетом, возглавляемым генералом Власовым.

Обе стороны, подписавшие кредитное соглашение, отдают себе ясный отчет в том, что еще надо сделать для того, чтобы Освободительное Движение Народов России развернулось в такую силу, которая была бы способна уничтожить большевизм в нашей стране. Германия, которая шестой год ведет войну, естественно, не может немедленно, «как по щучьему веленью», вооружить и обмундировать миллионы наших соотечественников, стремящихся уже сегодня встать на активную борьбу с большевизмом на поле брани. Но все мероприятия в этом направлении проводятся с той интенсивностью, какая допускается обстоятельствами. В этом смысле подписание, именно теперь, кредитного соглашения между Германским Правительством и Комитетом Освобождения Народов России также полно значения.

Наше движение имеет свои самостоятельные цели, не зависящие от политики никакого другого государства. Эти цели четко сформулированы в Манифесте Комитета Освобождения Народов России. Ради скорейшего осуществления на практике идей Манифеста, ради спасения наших отцов, матерей, жен и детей из-под власти большевизма мы принимаем дружественную поддержку от тех сил, которые нам готовы ее оказать. Таким образом, помощь нашему Освободительному Движению со стороны Германии соответствует интересам Германии и национальной России. То обстоятельство, что наши братья сражаются в настоящее время в рядах Красной армии против германских солдат, ничего здесь, по существу, изменить не может.

Вот почему кредитное соглашение между Германским Правительством и Комитетом Освобождения Народов России, еще раз подчеркивая политическую и правовую самостоятельность Освободительного Движения, обретающего самостоятельную материальную базу как раз в то время, когда борьба с большевизмом должна стать для нас неотвратимой обязанностью сегодняшнего дня. На эту борьбу воинские части Освободительного Движения выступят подготовленными настолько, насколько это возможно в настоящих обстоятельствах.

„Уничтожение большевизма является неотложной задачей всех прогрессивных сил".

(Манифест Комитета Освобождения Народов России).

Кровь соотечественников зовет к борьбе!

Чудовищное преступление большевиков в Круппа-Мюле

Танковая разведка советской армии, прорвавшей фронт в района Литцманштадта, 20-го января ворвалась в поселок Круппа-Мюле (Верхняя Силезия). Войдя в поселок, танки, в количестве около десяти машин, открыли огонь по домам местных жителей и в упор начали расстреливать тех, кто пытался спасти жизнь бегством. По пути движения советские танки появились на территории расположенного в Круппа-Мюле. лагеря русских и украинских рабочих. В этом же лагере проживало большое число эвакуированных из украинских областей.

Советские танкисты, увидев выбегающих и собирающихся во дворе соотечественников, прекратили движение. В одном из танков открылся люк. В нем появился командир. Не выходя из танка, он приказал всем, проживающим в лагере, собраться во дворе. Когда большинство живущих в лагере, преимущественно девушки и женщины, в том числе старухи и эвакуированные дети, собрались, танки неожиданно открыли по ним огонь из пулеметов. Бросившихся бежать танки начали преследовать и давить своими гусеницами.

В течение нескольких минут было уничтожено несколько сот человек. Затем танковая разведка повернула и отошла к своим войскам. Немногие, оставшиеся в живых, рабочие бежали на запад. Им были оказаны помощь и содействие при эвакуации вглубь Германии.

(От нашего корреспондента на восточном фронте)

Я успел увидеться с двумя свидетелями страшного преступления в Круппа-Мюле: рабочим Василием Чишко и его женой Натальей. Говорить с ними трудно: они настолько потрясены происшедшим, что и здесь, в безопасности, судорожно держатся друг за друга и сидят в безмолвном оцепенении. За время войны я видел много страданий и боли. Но такого горя, как у Василия Чишко, я не видел. У него под гусеницами советских танков погибла двенадцатилетняя дочь.

Круппа-Мюле — это даже не Винница и не Катынь. В Винницких братских могилах найдены были жертвы, расстрелянные по приговору НКВД, как «враги советского народа». Было хоть какое-то подобие обвинения. В Катынских могилах были зарыты представители другого государства, которых большевики считали своими исконными врагами. Непостижимые для всякого цивилизованного человека преступления в Виннице и Катыни имели всё же какое-то свое дьявольское обоснование: большевизм уничтожал безоружных, беззащитных, ни в чем неповинных людей, но принадлежащих, по взглядам чекистов, к «враждебной категории».

Преступление в Круппа-Мюле страшнее Виницкого и Катынского злодеяний. Ему нельзя найти даже безумного объяснения.

Пусть командир советского танка был трижды коммунист-фанатик. Пусть это была непревзойденная мразь, привыкшая к крови и преступлениям. Но, ведь, читал он выступления Сталина и других большевистских вождей, читал листовки и обращения, призывающие красноармейцев «спасти братьев, насильно угнанных в немецкое рабство»? Конечно, читал. Почему же он, вплотную встретившись со своими соотечественниками, которых еще так недавно большевистская пропаганда оплакивала, как жертвы немецкого произвола, почему этот советский танкист бросился к пулемету, а не к стоящему перед ним «освобожденному брату»?

Изверги слышали родные голоса, молящие о пощаде. Палачи видели растерянных женщин и плачущих детей, своих по крови и по родине. И давили их гусеницами танков.

Что это? Месть? Но, ведь, мстят тому, кто в чем-то виноват. В чем же была вина немощных старух, несчастных девушек, пятилетних детишек? Что двигало рукой красноармейца, когда он выпускал пулеметную очередь по беззащитным людям?

Нет. «Братолюбивая» пропаганда оказалась не при чем. Этой пропагандой обманывали наивных и доверчивых людей, у которых нужно было выкачать побольше денег на войну: начиная от либеральствующих богатых англичанок и кончая колхозницами, изнывающими в непосильном труде. Но красноармейцев ведут в бой не красивые лозунги. Красноармейцам давно уже не говорят: «Тебя ждут твои братья». Наоборот, им всячески доказывают, что теперь вокруг них — одни враги. Над двигающейся массой советских бойцов владычествует истошный вопль Эренбурга: «Бей! Режь! Уничтожай!»

Злодеяние в Круппа-Мюле — начало безумного плана уничтожения наших соотечественников, находящихся на этой стороне фронта.

Этот безумный план четко сформулирован жидом Эренбургом. Уничтожать всех, кто, волей или неволей, пожил без советской власти. Они познали правду о Сталине и его клике. Они опасны для сталинского режима. Они обречены на смерть.

Кровь наших соотечественников, пролитая в Круппа-Мюле, зовет нас к смертельной борьбе с большевистскими палачами.

Судьба нашей Родины, наших народов, наша собственная судьба — в наших руках. Нас — миллионы. Мы окажем не только сокрушительный отпор большевизму, но и победим его. На зверства большевизма мы ответим еще большим сплочением вокруг своего Комитета Освобождения Народов России, напряжением всех сил для борьбы против ненавистного врага.

В. Терехов

Казаки занимают передовые позиции

Палачи

Низко склоняем мы головы над растерзанными трупами наших соотечественников, ставших жертвами большевистского изуверства. Маленький поселок Круппа-Мюле в Верхней Силезии станет навсегда памятным для народов нашей Родины. Здесь произошло злодеяние, самое страшное в истории настоящей войны.

Рвется на запад Красная армия, в честь которой палят бесконечные салюты в Москве. Шагают дивизии сквозь близких, родных нам людей. И над ними клубится темное омерзительное облако ненависти, мелькает размалеванная рожа карамазовского черта. Подвиги, жертвы, дерзания — все осквернено, захаркано большевистской мразью, поспешающей пожинать плоды зимнего наступления Красной армии. Труп старухи, изуродованное тело 12-летней девочки — трофеи победы. Петровы и Пономаренки, штурмующие германские позиции, несут смерть своим женам и детям, находящимся по эту сторону фронта. Они прокладывают путь извергам и палачам, превращающим подвиги в преступления.

Трагична судьба нашего окровавленного народа. Стремясь к добру и свету, он обречен, волею своих кремлевских хозяев, нести разрушение и гибель. В развалинах лежит красавец Будапешт, и под этими развалинами погребены тысячи не успевших эвакуироваться мирных жителей. В ледяных товарных вагонах насмерть замерзают по дороге в Сибирь румынские крестьяне, рабочие Прибалтики. Куда вступают большевики, туда они приносят пытки и смерть. Ничего больше, только это.

Мы знаем большевизм. Мы знаем, в чем заключается сегодня наш долг истинных патриотов и националистов. Мы готовы до конца драться за честь России, за жизнь сограждан. Танк, давящий гусеницами наших жен и детей, надо подбить, независимо от того, кто сидит в этом танке.

Большевистская мразь слишком рано решила отпраздновать победу над безоружными людьми, которых красные каратели идут, якобы, «освобождать». Впрочем, об освобождении «братьев и сестер из фашистского плена», сейчас советская печать и радио даже не заикаются. Большие и маленькие эренбурги имеют один приказ — опьянить Красную армию сивухой ненависти до предела, до потери сознания. Бей, жги, рви, режь — визжат разъяренные тыловые крысы. По всему СССР слышно щелканье затворов автоматчиков из НКВД. Они приготовились. Впрочем, они всегда были готовы.

На удар мы ответим ударом. Сегодня наши соотечественники, даже те из них, которые по наивности ждали «своих», спасаются от них на запад. Грянет час, мы все пойдем на восток. Мы уберем с дороги каждого, кто встанет на нашем пути к Минску, Киеву, Москве. Мы придем на родную землю не в оковах, не на потеху сталинским садистам и палачам. Мы придем, как судьи, и беспощаден будет суд наш, суд всех народов России, над бандитами и висельниками, убивающими безоружных стариков, женщин и детей.

ВОЛЯ НАРОДА

№ 8 (21). Среда, 24 января 1945 г.

Советский Союз и Европа

Доклад генерал-майора В. Ф. МАЛЫШКИНА на конференции, созванной Германским Институтом Международной Политики

Несколько дней тому назад в городе Веймаре закончился конгресс представителей народов Европы, созванный Германским Институтом Международной Политики.

Более двадцати различных стран и народов Европы представлены были на этом конгрессе. В зале заседаний можно было слышать все языки Европы, начиная от норвежского и кончая греческим. На конгрессе было прочитано более 20-ти докладов, которые в своей совокупности давали исключительно цельную картину того внутреннего перелома или, вернее сказать, величайшей психологической революции, которая происходит сейчас на этом континенте. Для нас, бывших граждан Советского Союза, на этом конгрессе самой удивительной чертой была простота и естественность согласования мнений представителей различных общественных группировок, народов и стран. На конгрессе выступали люди от больших и малых народов, говорили на разных языках, затрагивали совершенно различные факты, темы и вопросы, но вывод из каждого доклада и итог каждого дня работы конгресса были одинаковы: это было сознание страшной угрозы, нависшей над Европой, и единодушное желание противопоставить этой угрозе все силы, отдать борьбе даже жизнь.

В работах конгресса приняли также деятельное участие представители добровольцев Туркестана, Кавказа, Украины, казачьих соединений и Комитета Освобождения Народов России. Доклад генерал-майора В. Ф. Малышкина — «Советский Союз и Европа» ожидался с большим интересом, был выслушан с исключительным вниманием и вызвал многочисленные вопросы и оживленный обмен мнениями.

Доклад генерал-майора В. Ф. Малышкина мы печатаем по сокращенной стенограмме.

Уже больше четверти века тому назад на востоке вспыхнуло пламя материалистического марксистско-большевистского учения. С тех пор оно несет с собою все более и более реальную, все более и более грозную опасность для культуры и даже самого существования не только народов Европы, но и всего мира. Это утверждение о разрушающей силе идей большевизма не есть вымысел пропаганды и, тем более, это не фантазия обывателя, напуганного революционным размахом идей большевизма. Это утверждение является результатом вполне объективного и подлинно научного анализа как сущности большевистского учения, так и результатов его практической реализации в течение достаточно длительного времени и на весьма обширных территориях.

В чем же заключается эта разрушительная сущность идей большевизма? Чем вызвана она и в чем выражается? Как это ни кажется на первый взгляд парадоксально, но, несмотря на то, что большевистский режим существует уже более четверти века, несмотря на то, что изучению большевизма, его характеристике посвящены тысячи книг и исследований, — еще и сегодня западно-европейское общественное мнение далеко не вполне ясно представляет себе истинное лицо большевизма... Объясняется это явление целым рядом причин. Большевизм — явление столь сложное, специфическое и многогранное, что понять его сущность можно не на основе наблюдений или изучения, хотя бы и самого внимательного и объективного, но со стороны, — а только на основе личного переживания, на основе личного участия в его деятельности.

Перефразируя известную русскую пословицу, можно сказать: чтобы узнать большевизм, нужно съесть вместе с ним пуд соли.

В Европе очень распространено мнение, что самым разрушительным, самым страшным в большевизме является насилие над личностью и террор физический и духовный. Несомненно, что террор и насилие являются одной из очень характерных черт большевистского режима. Однако, прежде всего, нужно поставить вопрос: ради чего, ради достижения каких целей применяет большевизм террор и насилие?

И, вот, ответ на этот основной и важнейший вопрос ярко и до конца, вскрывает нам подлинную сущность большевизма, как силы, ниспровергающей и разрушающей не только человеческую культуру, но и самые основы существования и развития человеческого общества. Ответ этот таков: большевизм имеет своей конечной целью внедрение мировоззрения, утверждающего примат материи над духом. Он утверждает, что основной движущей силой развития человеческого общества являются его материальные потребности. Он утверждает иначе говоря, что духовная деятельность человека порождена и регулируется его материальными потребностями и интересами. Эта ультраматериалистическая концепция большевизма неизбежно и закономерно ведет к разрушению творческой, созидательной деятельности человечества, ибо носителем и творцом идей прогресса, и культурного и даже материального, всегда был, есть и будет свободный, независимый и самодовлеющий человеческий дух.

Поэтому подчинение духа материальному началу, принижение духа, наконец, порабощение его — не может не привести к замедлению процесса культурного развития, а затем и к остановке его. Оно неизбежно вызывает регресс культуры. Оно неизбежно обуславливает движение вспять — это смерть свободного духа, а смерть духа — это смерть, это гибель культуры. Вот в чем заключается величайшая и самая страшная угроза со стороны большевизма для европейской культуры, для всего будущего европейских народов.

Для многих представителей европейского общественного мнения это подлинное, разрушительное лицо большевиков остается скрытым под маской, якобы, быстрого подъема культуры в Советском Союзе. Советская пропаганда очень много потрудилась в этом направлении но мы, люди, проведшие четверть века в СССР, мы-то очень хорошо знаем истинную цену всем этим россказням большевистской пропаганды.

Совершенно бесспорно, и было бы вредным и ошибочным это замалчивать, — большевизмом во многих областях проделана большая и серьезная работа. Достигнуты очень большие результаты в области промышленности, что особенно ярко выявилось в ходе современной войны. Достигнуты большие успехи и в области народного образования: средний уровень образования широких народных масс (но не интеллигенции) значительно выше своего дореволюционного уровня. Наконец, очень много сделано и в области цивилизации (постройка жилищ, средств сообщения и связи, водопроводов и канализации, больниц, домов отдыха и так далее). Свои достижения в области цивилизации большевистская пропаганда называет достижениями в области культуры, сознательно, в целях пропаганды, смешивая воедино два различных понятия: культура и цивилизация. Вряд ли нужно разъяснять, что эти два понятия совершенно различны, что процесс цивилизации обусловлен развитием техники, промышленности, экономики страны, а культурный прогресс является творчеством свободного человеческого духа и обусловлен наличием соответствующей свободы творчества.

И, вот, если в области цивилизации Советский Союз сделал бесспорный и большой шаг вперед, то в области культуры дело обстоит весьма и весьма неблагополучно. Несмотря на громадную затрату сил и материальных средств, двинуть вперед подлинную культуру большевизму не удалось.

Иного положения и быть не могло при тех условиях полного порабощения свободного творческого духа и принудительного навязывания ему определенных, строго регламентированных идей, которые господствуют в Советском Союзе. Поистине убогое положение в области культуры господствует в той стране, которая дала миру многие десятки выдающихся деятелей в самых разнообразных отраслях культурной деятельности. Неужели так обеднел в области культуры тот народ, чья талантливость и щедрая природная одаренность широко и охотно признается и его друзьями, и его врагами? Нет, дело не в этом, народ не обеднел. Дело в том, что эти талантливость и одаренность не могли проявиться в условиях большевизма.

Такое положение в области культуры в Советском Союзе, несомненно, является самым тяжелым обвинительным актом против большевизма. Ужасен и страшен террор, установленный большевизмом, как система правления; ужасны и страшны миллионные списки жертв большевизма, — но еще более ужасно и страшно то, что все эти жертвы приносятся ради торжества безумных идей ультраматериализма, разрушающих самое создание человечества — его культуру.

И не только культуру! Безраздельное господство материального начала над духовным обозначает и безраздельное господство материальных идей над идеями морали, совести и чести. Большевистское учение, в силу своей специфики, не может не пробуждать и не усиливать в человеке чувства эгоизма, бессердечия и равнодушия. А резкое снижение материального уровня, как закономерное следствие принципиального игнорирования фактора личной заинтересованности, — соответственно резко обостряет борьбу за существование, когда, ради лишнего куска хлеба, все принципы морали отбрасываются в сторону, как устарелый, никому ненужный хлам. Если в таких условиях подавляющее большинство русского народа все же морально уцелело, в чем наглядно убедилась Западная Европа при ближайшем личном знакомстве с нашими народами, то это объясняется тем, что подавляющая часть нашего народа еще очень крепко связана с землею и поэтому обладает сильными бытовыми корнями сопротивления. Можно достаточно уверенно утверждать, что в тех странах, где бытовые устои не так сильны, процесс морального разложения народа за 25 лет привел бы к подлинной катастрофе!

Насколько же реальна эта угроза Европе со стороны большевизма? Не будет ли более правильным предполагать, что большевизм, захватив Прибалтику, Польшу и проникнув на Балканы и в Венгрию, проявит мудрую осторожность и, избегая нового конфликта международного масштаба, остановится в своем продвижении на Запад? Принятие такого предположения свидетельствовало бы о полном непонимании существа большевистского учения и вытекающей отсюда его внешней и внутренней политики.

Большевистское учение имеет столь крайние, радикальные формы, так резко противоречит, по самому своему существу, всякому иному мировоззрению, что совместное, согласованное его существование с какой-либо иной политической и социальной системой, — и практически и теоретически совершенно исключается. Если большевизм, в течение около 20 лет, существовал бок о бок с остальным миром без резко выраженных конфликтов, то объяснялось это не вживанием большевизма в окружающую его социально-политическую систему, а только тем, что большевизм нуждался в подготовке к решительным боям за утверждение своего мирового господства.

Вожди большевизма, и большие и малые, очень хорошо понимают, что роковой для них вопрос «кто—кого» будет стоять перед ними со всё большей и большей остротой, вплоть до того момента, пока не произойдет решающая битва, окончательно предопределяющая судьбу большевизма. Именно поэтому, большевизм, с первых и до последних дней своего существования, является самой агрессивной, самой непримиримой социально-политической системой из числа когда-либо существовавших на нашей земле.

Для обеспечения себе наибольшего успеха, большевизм вынужден тщательно маскировать как свою внешне-политическую агрессивность, так и истинные цели своей внутренней политики, так как и то, и другое не может не вызвать резкого отпора и, мобилизуя антибольшевистские силы, сильно понижает шансы большевизма в его последней, решающей игре. Однако, многие представители европейского общественного мнения принимают эту маскировку большевизма за чистую монету и готовы серьезно уверовать в миф о перерождении и демократизации большевизма. Нужно, однако, лишь очень немного подумать, чтобы стала совершенно ясной и бесспорной и теоретическая, и практическая невозможность какой-либо действительной эволюции большевизма, как определенного социально-политического учения. Дело заключается в следующем: основные положения марксистско-большевистского учения и мировоззрения изложены в столь законченной форме и, в то же время, в столь крайних, резких формулировках, что они не способны ни к развитию, ни к эволюции. Эти формулировки можно лишь либо целиком принять, либо целиком отвергнуть, но их невозможно ни дополнить, ни поправить. Именно эта устойчивость, неподвижность, органическая неспособность к эволюции основ большевистского учения и обуславливает такую же устойчивость и неспособность к эволюции большевистской социально-политической системы, опирающейся на эти основы. Чрезвычайно высокая гибкость в средствах и чрезвычайная устойчивость в целях — вот наиболее характерные черты большевистской системы.

Из сказанного следует, что большевистская система может быть сломлена и уничтожена только силой. В то же время тяжелый опыт трех с половиной лет борьбы с большевизмом на полях современной войны весьма ярко и убедительно показал, что, вследствие обширности территории Советского Союза и наличия в советском тылу громадных стратегических резервов всех видов, одними внешними, иностранными силами достичь решения нельзя, и решающий удар большевизму может быть нанесен только при активной помощи самих народов России. Такую задачу организации сил народов России для нанесения большевизму решающего удара в союзе с главным представителем народов Европы — Германией и взял на себя КОНР, под председательством генерала Андрея Андреевича Власова.

Успех нашего дела, дела освобождения нашей Родины от большевизма, будет в решающей степени зависеть от того, какие идеи мы положим в основу нашей борьбы, ибо, как указывалось уже в начале доклада, борьба с большевизмом есть, прежде всего, борьба мировоззрений. Конкретно эти идеи выражены в 14-ти пунктах Пражского Манифеста КОНР'а, опубликованного 14 ноября 1944 года.

В основе нашей политической программы, очень кратко изложенной в этих четырнадцати пунктах Манифеста, лежат три основных идеи: во-первых, идея государственного устройства на национально-трудовой основе, т. е., на основе объединения всех слоев и групп населения на принципе общности интересов всех трудящихся и подчиненности интересов отдельных слоев населения общенациональным, общегосударственным интересам; вторая важнейшая идея заключается в провозглашении принципа национального равенства и, одновременно, национальной солидарности, когда интересы отдельных равных и принципиально независимых народов, по взаимному согласию, в одинаковой мере несколько ограничиваются в общегосударственных интересах; и, наконец, третья основная идея — это максимально возможное использование частной инициативы, как основы культурного и материального прогресса.

Эти идеи — создания национально-трудового строя, внутринациональной и междунациональной солидарности и, наконец, возможно более широкого использования частной инициативы, в рамках, не противоречащих общегосударственным интересам, целям и задачам — эти идеи и есть как раз те, которые разрабатываются сейчас передовой европейской социально-политической мыслью.

На фронтах войны

Активность германской обороны на востоке

Успех немцев в Венгрии и на западном фронте

НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

Большое сражение на всем протяжении восточного фронта продолжается с неослабевающей силой. В Верхней Силезии германские части удерживали свои позиции в восточном и северо-восточном пограничном районе промышленной области. Атакующим советским частям удалось добиться только отдельных вклинений. В этих боях уничтожено 32 танка противника. По последним сообщениям германского верховного командования, неприятельские группировки задержаны восточнее города Оппельна, а также между Намслау и Эльсом. В этих местах немецкие войска вели успешные контратаки, поддержанные танками. У Калиша и юго-западнее Лицманштадта германские соединения оказывают попрежнему противнику ожесточенное сопротивление Севернее Варты танковым клиньям противника удалось продвинуться в район восточнее Позена. Советские атаки в северном направлении отбиты. В юго-западной части Восточной Пруссии противник оказывал давление в северном направлении. После упорных боев, советским частям удалось ворваться в города Дейтч-Эйлау и Алленштейн.

К востоку от Мазурских озер немцы предотвратили попытки противника прорвать линию германской обороны. В Инстербурге и у Прегеля идут ожесточенные уличные бои.

В ВЕНГРИИ

К югу от Будапешта части германской армии и войск ϟϟ продолжали наступательные операции в северном направлении и, несмотря на усиливающееся сопротивление противника, нанесли неприятелю значительные потери. В ходе ночной атаки немцы снова завладели городом Штульвейсенбургом. В этом районе германскими войсками взято 800 пленных и захвачено значительное количество военных материалов. В самом Будапеште неприятельские атаки, ведшиеся через покрытый льдом Дунай, успеха не имели. Значительную поддержку германским наземным частям оказывала бомбардировочная авиация. Германские и венгерские истребители в воздушных боях уничтожили 31 самолет противника. Во время неудачной попытки прорваться восточнее впадения Грана, неприятель потерял 18 танков. По сообщениям германского командования, противник в Венгрии несет очень тяжелые потери в живой силе и материалах.

НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

В районе германского Рурского предмостного укрепления, юго-восточнее Маасейка, англичане, после подвоза новых сил, продолжали атаковывать немецкие позиции. Несмотря на значительные кровопролитные потери, противнику удалось добиться только незначительных местных вклинений.

В Бельгийско-Люксембургской пограничной области, на участке Сан-Вита и севернее реки Зауэр, идут ожесточенные оборонительные бои с наступающими американцами, при поддержке значительных сил авиации.

Для сокращения линии фронта германские войска в районе Хуфолица, без помехи со стороны противника, отошли на новые подготовленные позиции.

Под давлением германского концентрического наступления севернее Страсбурга, американцам пришлось очистить участки фронта севернее и восточнее Гагенауского леса. Противник отошел в направлении на участок Молера. Германские войска, следовавшие по пятам за противником, к северу от этого участка, захватили укрепления линии Мажино и освободили значительную часть территории. В ходе этих операций немцы заняли целый ряд населенных пунктов, среди них Нидерброни, Рейхсгофен, Верт и Фрошвейлер. Гагенауский лес большей частью также находится в руках германских войск.

НА ИТАЛЬЯНСКОМ ФРОНТЕ

Со средне-итальянского фронта в течение последних 48 часов сведений о заслуживающих внимания боях не поступало.

В Хорватии, северо-западнее Сараева, германские соединения в боях против бандитов добились значительных успехов.

Англо-американские террористические самолеты днем и ночью атаковали Рейнско-Вестфальскую область, а также районы западной Германии.

Лондон попрежнему находится под обстрелом оружия возмездия.

Сегодня на фронте

Вся эта история, называемая концентрированным наступлением, началась с небывалой, по своим размерам, артиллерийской подготовки. После этого пошли танки, пехота. Нужно ли было сдерживать это наступление или лучше отходить, нанося наступающим войскам наибольший ущерб, — это в свое время разберут военные историки. Сейчас лучше всего предоставить слово военнопленным, участникам «марша на Берлин».

— Капитан Селиковский, командир особой роты автоматчиков 128-й гвардейской ордена Ленина стрелковой дивизии... — Так отрекомендовал он себя в штабе нашего батальона.

Капитану Селиковскому около 35 лет. Его грудь пестрит разноцветными ленточками орденов. Рядом с орденом, носящим имя гонителя религии Ленина, — орден святого князя Александра Невского. Есть и медали: за «оборону Сталинграда», «за взятие Севастополя».

«Или грудь в крестах или голова в кустах» — таков был девиз капитана Селиковского. И вот, очутившись со своей ротой в окружении, видя неизбежность плена, он пытался застрелиться.

— Почему вы это хотели сделать? — спрашиваем мы.

В ответ он небрежно пожимает плечами.

— Какая разница? Я вычеркнут теперь из жизни. Быть в плену — это значит умереть.

— Почему?

— Я знаю участь пленных. Если они в свое время не погибли у немцев, то у нас эта участь им уготовлена.

— И вы согласны с этим?

Опять небрежное пожатие плеч.

— Такова жизнь...

Но совсем другого взгляда на это взятые в плен красноармейцы. Их рота почти полностью уничтожена. Осталось всего 13 человек. При допросе они не пожимают небрежно плечами. Им надоело воевать, они хотят домой к своим близким.

Сержант Ашот Григорьян из Армавира и его товарищ о многом рассказали нам при опросе.

— Перед наступлением по всем подразделениям был зачитан приказ. Поразили красноармейцев новые слова, которых они никогда в приказе не слыхали. Говорилось о семьях, которые терпят лишения и вынуждены голодать, о страшной разрухе в стране. Промелькнули слова о скорой мировой революции.

Офицерам был повторен приказ — стрелять на месте в каждого отставшего бойца. Командиры провели беседы, уверяли, что через 10—15 дней Берлин будет взят, и война будет окончена. Требовали от красноармейцев последнего напряжения сил. Идеологическая подготовка, как обычно, была подкреплена массовым террором. Всех ненадежных красноармейцев изъяли из частей. Некоторых перевели в особые роты, многие исчезли, неведомо куда. Несколько дивизий, прошедших всю Украину, как ненадежные, были переброшены в Сибирь и заменены войсками с Дальнего Востока.

Новыми для нас были сообщения сержанта Григорьяна о жертвах «агарковского движения» ... «Незадолго перед наступлением было прислано подкрепление. Причем это были не дети, не старики, к чему мы привыкли, а люди средних лет, от 30 до 40. Заинтересовались все, откуда таких выкопали. Дело оказалось очень простым.

Сейчас большевики выдумали новое — «агарковское движение». С помощью этого фокуса заставляют рабочих совмещать обслуживание нескольких станков в нескольких цехах. Электромонтер Дубравин работал в цехе ковкого чугуна на заводе «806» в г. Челябинске. Он обслуживал два мостовых крана и три кельфера. Его работа была передана электрику из сталелитейного цеха, который обслуживал уже две электроплавильных печи. Дубравина отправили на фронт...»

С помощью «агарковского движения» «высвобождены» отдельные рабочие и бригады. А по особому распоряжению закрыты целые предприятия. За несколько месяцев перед началом этого наступления почти полностью приостановлена работа, так называемой, легкой индустрии. Освобожденные рабочие, способные носить оружие, пошли в армию, остальные отправлены на военные заводы.

Сейчас Красная армия продвинулась вперед исключительно танковыми клиньями. Пехотные соединения, отстав от танков, поставлены под угрозу уничтожения.

Вместе с немецкими частями уходят русские рабочие, без охраны шагают на запад военнопленные. Для всех них ясно, что сумасшедший темп наступления таит в себе провал. Они видели свежих военнопленных, они беседовали с ними, с русскими людьми, несмотря на продвижение вперед, плохо верящими в победу большевиков.

Это наступление — последняя ставка Сталина. Словно зарвавшийся игрок, он не думает уже о завтрашнем дне. Победа в ближайшее время любой ценой — такова задача Сталина. Он знает, что пришел предел терпению народа. Повсюду в России развернулось повстанческое движение. Последние волнения в Киеве, особенно в Тамбове, где во главе движения стали начальник милиции и начальник тюрьмы, показали Сталину, что он не может опереться даже на партию и НКВД.

Поручик **Б. Кононов**

М. Залесский

РОА

Темно впереди. Бесконечна дорога.
Но сердце горит огнем.
Мы верим в Россию, как верят в Бога,
Мы Родине счастье куем.

Мы знаем — упорной тяжелой борьбою
Врагов мы скинем гнет.
И в пекле боев лучезарной звездою
На радость победа сверкнет.

Когда же минуют года огневые,
Кровавых потерь года,
Мы песни заменим свои боевые
На вольные песни труда.

И если в боях мы — упорны и стойки,
В работе — упорней в стократ.
И будет девизом на нашей стройке:
Человек человеку — брат.

По ту сторону

Первенство

Степные акыны рассказывают красивые легенды о «черной крови» Казахстана — об угольных залежах Караганды...

Тысячи наших современников могут добавить к ним горькие воспоминания о жизни карагандинских концентрационных лагерей.

Караганда — страна ссыльных. Там колючая проволока начинается рядом с вокзальными дверьми. Большая часть пассажиров — прямого следования: «Страна социализма — концлагерь»...

«...Кровь земли, да кровь ссыльных — это и есть «третья угольная кочегарка СССР»...

Несколько дней назад в Советском Союзе закончилось всесоюзное социалистическое соревнование по ремонту сельскохозяйственных машин. Первенство в соревновании заняла Карагандинская область. Ей вручено переходящее красное знамя государственного комитета обороны...

Это — естественный итог большевистских исканий «новых» форм труда. Самым производительным, самым «социалистическим трудом» оказался все тот же каторжный труд галерных невольников.

Понятно, почему первенство в «социалистическом» соревновании заняла Карагандинская область.

Понятно, почему почти все строительство «социализма» сосредоточилось в руках НКВД.

Партия и народ

История Ивана Сусанина — сильнее времени. Не старея, пережила она столетия и пришла в наши дни такой же величественной, родной и близкой. Вот почему, однажды, в конце тридцатых годов, с такой свежестью и силой зазвучала опера Глинки на сцене Большого Театра.

Великое чувство любви к Родине способно воодушевить и сделать героем каждого человека — и крестьянина, и профессора...

Любовь к партии Ленина-Сталина — существовала лишь на страницах политучебников.

В жизни, из года в год «партия Ленина-Сталина» становилась символом несправедливости и насилия, порабощения Родины.

В первых же боях на Дальнем Востоке и, особенно в Финляндии, лозунг «за Сталина» стал обозначать массовые поставки пушечного мяса, бесконечную гибель самых юных, здоровых сил Родины.

В этой войне основной кадр партии оставался в тылу и выказывал свой патриотизм в Куйбышеве, в Ташкенте и Алма-Ата.

Фронтовые партийцы, в своем большинстве, — однодневки. Их принимали в партию пачками, за несколько часов до атаки, не считаясь ни с их желанием, ни с их прошлым, — для статистики убитых членов ВКП(б); для создания мифа о роли партии в отечественной войне.

Но ни те, ни другие, никто не хотел погибать «за партию», «за великого маршала». Количество партийных билетов не меняло хода войны и, один за другим, гибли родные города и села...

Мощный ураган народной стихии разметал по ветру учебники политграмоты и знамена партии... И тогда большевики совершили еще один великий обман — разыграли комедию национальной эволюции...

Они оставили великие тени русских полководцев на пограничной черте. Как только Красная армия перешла родные рубежи, кончилось награждение орденами Кутузова, Суворова и Александра Невского.

Как грибы, возрождалась в приказах обычная большевистская терминология. Орден Ленина снова стал монопольным.

В новогоднем приказе Сталин приоткрыл свой настоящий лик интернационального диктатора.

С каждым шагом наступающей армии, в тылу все явственнее и наглее поднимали голову химеры партийной пропаганды.

В день взятия Варшавы, в своей передовой «Мощь Советского Союза», газета «Правда» рассыпалась в бесконечном восхвалении сталинской «гениальности»...

И, вот, словно сняв с себя обет молчания, все газеты, радио, вся советская пропаганда — стали кричать «о победах партии ВКП(б)».

Те, кто жил в СССР, могут себе представить, до какой наглости и циничности могут дойти сталинские фальсификаторы. Все вывернуто наоборот. Народ обворован до нитки. Все — только партия...

Не было ни солдат, ни героев, ни украинского, ни русского, ни белорусского народов. Трубным ревом ревут газеты о «гениальности партии», и только о народе, о Родине — ни слова, ни звука.

Пока народ гибнет на фронте, в тылу для него готовят новые цепи, — чтобы тотчас отнять у него оружие; чтобы плетью и нагайкой погнать его на новые каторги.

Н. Лагутин

„СВОИ"

Сергею Ильченко, определенно, не повезло в жизни. Он был из породы тех, кого обычно мы называем неудачниками.

До войны жил он, надо прямо-таки сказать, скверно. Зимой 1942 года, вместе с четырьмя сотнями ивановых, петровых, сидоровых попал в плен.

Вскоре их всех отправили на работу в Румынию. Здесь, при одной немецкой части, они выполняли самые разнообразные работы.

После предательства короля Михаила, немцы пытались, вместе с рабочей командой, с боем прорваться к границе союзного государства, но судьба решила иначе. Группа была окружена превосходящими силами румын. Все солдаты были обезоружены и раздеты.

— Русски ти? — обратился к военнопленным румынский офицер.

— Да, русские...

— Очень хороший...

Под сильным конвоем четыреста были доставлены в одно из сел, служившее передаточным пунктом. Здесь началось.

— Построиться по-четыре! — раздался приказ.

Построились.

— Раздеться! — указали на тех, кто лучше был одет.

Разделись.

— Снять обувь! — выбирали сапоги румыны.

Сняли...

Румынские солдаты обходили строй и тщательно проверяли тощие мешки военнопленных. Началось мародерство. Все, что нравилось изменникам, немедленно отбиралось.

— Это мое!.. — протестовали русские.

В ответ сопротивляющийся получал удар прикладом.

Избитую толпу окружили пулеметами. Так прошла ночь, тягучая и страшная, жуткая своей неизвестностью.

— Сейчас будем передавать вас товарищам! — объявил офицер.

Через час после этого прибыли приемщики: капитан Красной армии с группой автоматчиков.

— Вот они, домнуле капитану! — рассыпался румын.

И, любезно раскланявшись, удалился.

— Построиться по-одному! — рявкнул капитан.

Команду выполнили четко. И думалось тогда: «Свои пришли. Разберутся. Мы невиновны. Поймут...»

Капитан медленно обходил строй. Вот он остановился перед Алексеем Злобиным, 25-летним крепышем из Майкопа.

— Откуда?

— С Кавказа.

— Почему в плену?

— Разбили нашу дивизию, товарищ капитан.

— Я тебе не товарищ, предатель...

Выстрел. И кровь вспенилась в светлых волосах Злобина. А капитан подошел с пистолетом к следующему. Высокий, худой, тот стоял в старой зеленой пилотке и в мундире. Босиком — сапоги сняли румыны.

— Доброволец?

— Никак нет, товарищ...

— У немцев служил?

— Пленный я.

— Врешь! Изменил!

Выстрел.

Медленно обходил строй советский офицер, представитель армии, борющийся за демократию, за освобождение из-под немецкого «ига» братьев по крови. Каждого долго и упорно сверлили его, незнающие пощады, злые глаза.

Постоянно раздавалось:

— Выйди из рядов!

К такому немедленно подбегали автоматчики. Сопротивляющуюся жертву оттаскивали в сторону. И здесь, на глазах у всех, расстреливали.

— Сомкнуть ряды!

Сомкнули... Молниеносно. Ибо холодные лапы смерти присыпали сединой волосы уцелевших.

— Полицейские есть?

Строй молчал.

— Старосты есть?

Молчание.

— Добровольцы, выходи!

Никто не откликнулся. Рассвирепевший инквизитор бегал вдоль линии строя и бил резиновой плетью всех, без разбора, без причины.

Строй безмолвствовал, не прячась от града ударов, не прося пощады. Теперь каждый видел, и не только видел, но и чувствовал, как обращаются «свои».

— Всех найду! Лучше не прячьтесь! — вопил вспотевший капитан, без устали работая плетью.

Автоматчики не отставали от начальства. Они бегали по рядам и били, били, били... Прикладами. В голову, в грудь, по рукам, в живот, в спину. Наконец, — устали...

— По-порядку... рассчитайсь! — гаркнул капитан, тяжело дыша и вытирая платком обильный пот.

— Двести семнадцать! — прозвучал глухой отклик.

А было четыреста... Четыреста!..

— Ну, теперь вас особый отдел пересмотрит!

Чекисты подробно допросили каждого.

— Где родился? Проживал?

Сказали.

— Каким военкоматом был мобилизован и когда?

Ответили.

— Где, при каких обстоятельствах и с кем попал в плен?

Не отставали до тех пор, пока каждый не заполнил подробную анкету. И как полагается — били, кричали, вспоминали мать...

— ...рассчитайсь!

— Сто двадцать три!

Перед молчащим строем долго ходил старший чекист.

— По правилу надо было бы вас всех расстрелять. Все вы — изменники родины, предатели, фашисты... Но советская власть гуманна. Мы решили еще раз проверить вас. Проверить боем. Все вы зачислены в штурмовой батальон. Все вы кровью должны смыть позор предательства! Когда кончится война, тогда мы еще раз пересмотрим вас. И если вы уцелеете, то мы подумаем, стоит ли вас простить?

И их отправили на самые тяжелые участки. Штурмовой батальон двести тридцать шестой стрелковой дивизии.

После четвертой атаки Сергей Ильченко снова попал в плен к тем, от кого еще так недавно его «освободили».

Он был последним из четырехсот «освобожденных»... Последним из ста двадцати трех бойцов штурмового батальона 236-й стрелковой дивизии. Сто двадцать два так и не дождались будущего «пересмотра» их судьбы.

Стефан Зеленин

Говорят фронтовики...

Еще задолго до образования Комитета Освобождения Народов России и начала создания объединенных вооруженных сил Освободительного Движения существовали добровольческие части РОА, казачьи полки, тюркские и кавказские дивизии. Все они прошли суровую боевую школу, закалились в боях и являются основным боевым ядром наших войск, вокруг которого сейчас собираются наши боевые силы.

Многие из этих частей сейчас находятся на передовых позициях. Бойцы-фронтовики в тяжелых условиях все же находят время поделиться своими думами и стремлениями со своими соотечественниками. Вот, что они думают и к чему стремятся:

„Мы не сложим оружия, пока не свергнем большевизм"...

Офицеры, унтер-офицеры и солдаты Русского батальона «Шелонь» пишут:

«Русское Освободительное Движение возникло стихийно из здорового инстинкта нации к самосохранению. Но один инстинкт не может обеспечить победу. Предстоит борьба. Мы клянемся, что ни один из нас не сложит оружия до тех пор, пока последний из стана врагов не будет сметен с нашей дороги, пока мы не свергнем большевизм и не установим в России подлинную народную власть на принципах, провозглашенных в Манифесте.

Мы заверяем, что, как и в дни вооруженной борьбы, так и в дни мирной работы по восстановлению России можно во всем положиться на нашу стойкость и верность».

„Нас ждут Мать-Россия, Кубань и Дон"...

Казак А. Олейник пишет: «Нет удобства и времени. Написал чуть не на коленях. Я знаю, что есть много ошибок, но истина — дороже; это — главное. Пусть прочтут наши люди, мои братья и сестры моей крови.

Я — сын Кубани. Я — казак, но не тот казак, которым были мои дед и отец. Дед мой имел силу и волю казацкую, он был хозяином на Кубанской земле, он любил свою мать-Кубань и передал эту любовь своим детям и сказал им: „Храните, любите, ибо воля казака на Кубани завоевана кровью и в каждом кургане покоятся кости предков". Мой отец хранил его завет. Трудился честно, служил правдой. Наконец, пришла свобода, для того, чтобы все люди были равны, чтобы не было господ и эксплоатации. Но недолго радовался русский народ. Не заметил, как его опутали паутиной. Стал народ жертвой Сталина. Вольные казацкие станицы разорялись. Казаков арестовывали, ссылали в Сибирь и расстреливали. Кто хотел свою жизнь спасти, тот должен был отказаться от слова «казак». Жизнь была заячья, а не казацкая. Теперь мы, казаки, даем клятву, что будем сражаться, как никогда, и радостно пойдем под знамя Комитета.

Мои братья, казаки! Довольно нам скитаться по чужой земле! Нас ждет мать-Россия, мать-Кубань и православный тихий Дон! Братья казаки, берите оружие, становитесь под знамя Власова, и будем сражаться так, как сражались наши предки. Или умереть или быть хозяином на своей Родине».

Международное обозрение

Во всех странах, занятых большевиками, или там, где власть перешла в руки большевистского подполья, события разворачиваются именно так, как того и следовало ожидать:

В Бельгии, в тюрьмах и концлагерях содержится в настоящий момент около 70 000 политзаключенных. По сообщениям бельгийской прессы, в бельгийской армии назначена «чистка».

В Румынии начальником нефтяных промыслов был назначен небезызвестный Иван Фейтель, который приобрел печальную славу, как начальник лагерей политзаключенных на строительстве нефтепровода Баку—Батум.

В Италии над организацией «чистки» работает 169 чрезвычайных комиссий.

В Греции коммунисты казнили 114 представителей рабочего класса. Швейцарское телеграфное агентство сообщает из Афин, что из 15 000 заложников, уведенных бандами ЭЛАС, 5 000 уже умерло от холода и лишений. Санитарная комиссия, созданная греческим правительством для расследования преступлений, совершенных ЭЛАС, раскрыла в лесах, находящихся неподалеку от Афин, ямы, в которых оказалось около 800 изуродованных трупов. 450 таких же трупов было найдено в самом городе.

В Польше Люблинское правительство высылает неблагонадежных в СССР. Из Тарнопольского района было выслано 40 000, а из Люблинского — 21 000 человек. О положении высланных просачиваются лишь немногочисленные, но тем более ужасные, сведения. Румынский рабочий Гандалеску, которому удалось бежать из СССР в Словакию, сообщает, что рабочие из-за границы отправляются в Сибирь на работы в угольных копях и рудниках.

Во Франции то там, то тут вспыхивают демонстрации недовольства. В Монпелье вышло на улицу 6 000 женщин, требовавших хлеба и топлива. Обитатели Денена разграбили угольный склад и сахарный завод. О подобных же происшествиях сообщают из Лиона и из других местностей Франции.

И, наконец, по сообщениям московской «Правды», в Ленинграде создана школа политграмоты для комсостава Красной армии. Постоянное число слушателей — 500 человек. Цель преподавания — насытить офицерский состав РККА идеологически выдержанным, коммунистическим элементом.

Вывод из всех этих событий один. Большевики идут в Европу не как освободители, а как поработители. Они несут с собой не мир и свободу, не отдых от тяжелых военных лет, а новые лишения и методы большевистского владычества. Красная армия ведет совсем не «отечественную войну» во имя свободы и величия России, а войну чисто политическую, ту самую, которую Сталин спровоцировал и от которой ему лишь на время пришлось отказаться.

Однако, наряду с этими событиями, происходит и целый ряд других, свидетельствующих о том, что, по мере того, как большевики продвигаются вперед и узурпируют власть в занятых ими странах, повсюду растут движения противодействия.

В Люблине, по сообщениям англо-американской печати, было арестовано несколько сторонников лондонского польского правительства, среди которых находится и начальник генерального штаба польской подпольной армии. Арестованным предъявлено обвинение в организации саботажа и в подготовке гражданской войны.

В Италии комиссия по проведению «чисток», созданная коммунистом Скочимарро, начинает предъявлять все больше и больше обвинений в попытках воссоздать фашистскую партию, в сознательном саботаже и в организации антиправительственных выступлений.

Из Сербии все чаще и чаще прибывают в Хорватию группы лиц, ушедших в леса и пробившихся сквозь большевистские линии для того, чтобы принять участие в антикоммунистической борьбе.

Чем дальше продвигается большевизм на запад, тем яснее и выпуклее вырисовывается перед народами Европы его настоящее лицо.

Японское наступление на Люсоне

Отборные японские войска начали 17 января контрнаступление на американские позиции Сан-Фабиан на острове Люсон (Филиппины) и проникли вглубь территории.

Свободный проход через Дарданеллы

По сообщению турецкого осведомительного бюро, Турция разрешила для всех торговых судов союзников свободный проход через Дарданеллы.

Разрушения в Лондоне, произведенные снарядом «V 2»

Американцы о своих потерях

Японский военный министр, фельдмаршал Сугияма, огласил в японском парламенте обзор положения на восточно-азиатских фронтах, причем подчеркнул, что бои на этом театре военных действий обошлись американцам до сих пор в 503.000 человек.

В Бирманско-Китайской пограничной области японские войска в сентябре начали у Лунлинга широкое наступление. Все усилия англо-американцев овладеть Бирманской дорогой потерпели неудачу. За последние три месяца над Бирмой сбито 180 союзных самолетов.

В Чунцинском Китае японские войска с начала Хонаньского похода в апреле месяце и до занятия американских воздушных баз в юго-западном Китае прошли 1600 километров. Потери союзников за это время исчисляются в 250.000 человек убитыми и пленными, 1200 орудий и 400 самолетов.

Что касается положения на филиппинском фронте, то в руках американцев находится преимущественно равнина у побережья острова Лейте. С 18 октября по 22 декабря японцы потопили 80 союзных военных судов и транспортов и повредили 178 военных судов и транспортов. Одними лишь наземными войсками сбито или повреждено 662 самолета.

•

Отзывы англо-американской печати о положении на западном фронте продолжают свидетельствовать об озабоченности военного руководства неприятеля. Англо-американцы сознают, что требования союзной печати о «безоговорочной капитуляции» Германии лишь еще более сплотили германский народ.

Американская газета «Дэйли Ньюс» указывает на исключительно высокие потери американских войск, которые «нелегко перенести», и исчисляет потери англо-американцев за декабрь на европейском и тихоокеанском театрах войны в 125 000 человек.

Народная Помощь

Начало см. в № 20 «Воли Народа»

За период с 1 по 20 января поступили пожертвования в фонд «Народная Помощь» от следующих лиц и организаций: рабочих Цитверке из Циттау—175 м.; В. Монахова—50 м.; рабочих лагеря Геерте № 8770—4915 м.; русских рабочих фирмы Адлоф в Тюрингии—325 м.; рабочих лагеря «Меркур»—310 м.; железнодорожника станции Ротенбург А. Приймака—150 м.; рабочих: Михаила Куликова — 100 м., Ивана Лысяка—50 м., Якова Гочарова—50 м.; лагеря «Спортплацнорд» — 1650 м.; пожарной команды города Биттерфельда — 458 м.; рабочих лагеря Вильгельминенгоф в Бранденбурге — 333 м.; рабочих лагеря в Миттельштейне — 1304 м.; чинов вспомогательной полиции Берлин-Лихтенберг — 371 м.; А. Даниловского из Ратибора — 100 м.; врача Володкевича — 2000 м.; русских рабочих лагеря Б. Н. 95 из Дортмунда — 1500 м.; Надежды и Кирилла Шелякиных — 16 м.; семьи Владимира Скочко — 20 м.; русских патриотов из передаточного лагеря Омштеде (Ольденбург): д-ра Виктории Терещенко — 100 м., д-ра Нины Мерцединой — 100 м., фельдшера Николая Максимова — 50 м., медсестры Марии Александрович — 35 м., медсестры Наталии Александрович — 35 м., работницы Александры Комарницкой — 50 м. и работника ДАФ Ивана Гришина — 50 м.; украинских эмигрантов из г. Галле — 220 м.; работников железнодорожного лагеря Гросс-Крейц — 203 м; В. Дрызгалова из Эльстенберга — 50 м.; работников лагеря Дахтегерштрассе в Лицманштадте — 720 м.; русских патриотов из Гейльштадта — 500 м.; Олега и Юзефы Лебединских — 20 м.; украинских рабочих из колонии № 96 в Кизешитце — 600 м.; из Нейхютте: от Алексея Козлова — 20 м., Семена Байкова — 20 м., Владимира Шпилинского — 10 м., Марии Миронюк — 5 м., Петра Хомутова — 5 м., Николая Скрябина — 6 м., Антона Зайцева — 7 м., Романа Иманчазина — 20 м., Андрея Медведева — 20 м., Ивана Мирошниченко — 10 м., Александры Хлыновой — 5 м., Владимира Романова — 5 м.

Продолжение следует

Во вражьем стане

Автору этих строк пришлось быть в Словакии в то время, когда часть территории словацкой республики оказалась под властью большевистских банд. На жизненных примерах автор хочет показать тем немногим среди нас, которые еще мечтают о перерождении большевизма, его подлинное лицо.

Началом событий следует считать то время, когда мы, вместе с другими беженцами, перешли словацкую границу. В небольшом местечке Подолинец, где был переходной лагерь, мы узнали впервые весьма туманные новости. Говорили, что где-то далеко в горах появились большевистские банды, что между ними и правительственными войсками началась борьба.

На другой день нас погрузили в вагоны и, в сопровождении словацких жандармов, направили вглубь страны. Через три дня мы приехали в небольшое местечко Малинец в южной Словакии на венгерской границе. Здесь нас ожидала первая неприятность. Во всех квартирах, где разместились беженцы, произвели обыск. Искали оружие. Кроме жандармов, нас обыскивали еще несколько гражданских лиц, вооруженных винтовками.

После обыска нам сообщили, что власть в Словакии взяли в свои руки повстанцы, объявившие занятую ими территорию Чехословацкой республикой, и что мы будем жить в Малинце до тех пор, пока нас не вернут на родину. Такое сообщение подействовало на всех крайне удручающе. Все беженцы, а их было в Малинце 101 человек, начали поговаривать о новом бегстве. Но куда? До ближайшей железнодорожной станции — 30 километров. Немецкие войска отделены от нас пространством в 200 километров. Выезд за пределы Малинца — категорически воспрещен.

Прошла первая неделя нашего пребывания в Малинце. Как мы живем и есть ли у нас пища — никто не интересовался. Появлялась надежда, что о нас, вообще, забудут.

В конце второй недели события начали разворачиваться. Днем по улицам местечка прошла делегация представителей новой власти, объявив населению, что демократическая чехословацкая республика превращается в словацкую советскую республику. Красная армия, говорили они, уже недалеко, она поможет повстанцам, а руководить государством будет коммунистическая партия. После этого трехцветные флаги со всех правительственных зданий были сняты, а жандармы и повстанцы прикрепили к своим головным уборам красные ленты.

Прошло еще три дня, и в местечке было объявлено распоряжение, касающееся беженцев. Новое правительство сообщало нам, что оно считает всех беженцев сторонниками немцев, изменившими своей родине и что, рано или поздно, все мы за это получим соответствующее возмездие. Однако сейчас, чтобы мы могли искупить свою вину перед родиной, нам предоставляется право добровольно вступить в отряды партизан словацкой советской республики. Конечно, никто из нас такого желания не изъявил.

Особенно интересовал нас вопрос о том, кто руководит повстанцами. Об этом мы узнали совершенно случайно. Из Зволина возвратился родственник хозяина дома, в котором мы жили, и сообщил нам любопытные новости. По его словам, в двух городах — Зволине и Банской Быстрице находилось правительство повстанцев. В большинстве оно состояло из русских большевиков, переброшенных в Словакию. Словаки особой роли в правительстве не играли. Всем руководили большевики.

Вскоре был объявлен добровольный набор словаков в армию, но затем его заменила всеобщая мобилизация всех мужчин до 35 лет.

Вторым распоряжением была мобилизация лошадей. Власти сообщили, что будут отобраны только лучшие кони, что собственники получат денежную компенсацию и что для отбора будет прислана специальная комиссия. Когда же словаки повели лошадей, их позабирали без всякого разбора и комиссии, а о компенсации не было и речи.

Приказы следовали один за другим. Каждый домовладелец был обязан сдать половину урожая, одежды, мяса и молока. Не ограничиваясь полученным, повстанцы начали ездить по селам и брать у населения все, что попадало под руку, начиная от скота и кончая золотом. Наше положение с каждым днем ухудшалось. В соседних селах начали забирать мужчин-беженцев и отправлять их в Зволин.

В одно из воскресений я отправился в соседнее село добыть провианта. Возвращаясь в сопровождении знакомого словака, я встретил двух словаков, которые что-то таинственно сказали моему спутнику. Я догадался, что речь шла обо мне и узнал, что Малинец окружен партизанами, которые забирают всех мужчин беженцев и, вероятно, везут их расстреливать.

Мой спутник посоветовал мне не итти в местечко, а подождать в придорожных кустах, пока он не узнает, в чем дело. Через несколько минут на дорогу выехало три грузовых машины. Они были наполнены людьми. Вскоре вернулся и мой знакомый и сказал, что я могу спокойно итти домой, так как партизаны уже выехали, забрав с собой всех мужчин.

Придя домой, я, по совету хозяина, забрался в амбар и решил оттуда не выходить, пока не узнаю точно, в чем дело. На другой день мой знакомый сообщил мне, что всех мужчин, беженцев из Малинца, повстанцы расстреляли недалеко от местечка. Он слыхал, что такая же судьба ожидает и женщин.

Я окончательно поселился в амбаре, и о моем существовании знали только моя семья и хозяева. Под вечер того же дня мне стали известны страшные подробности массового убийства. Всех мужчин из нашего местечка ночью отвезли за несколько километров в горы, где и расстреляли без всякого допроса. Это я узнал со слов одного священника, бывшего среди расстрелянных. Когда начали стрелять, он упал. С него сняли сапоги и наскоро забросали землей. Дождавшись, пока бандиты уехали, священник выбрался из ямы, прибежал в Малинец и спрятался также, как и я, сначала в амбаре, а потом на чердаке вместе с моей семьей.

Через два дня пришла очередь женщин. Рано утром из нашего убежища мы слышали, как из местечка выезжали подводы, в сопровождении партизан, как плакали дети, стонали женщины и ругались бандиты. Поздно ночью к нам на чердак пришли наши хозяева и рассказали, что бандиты искали и нас, но им сказали, что мы будто бы удрали в Венгрию. Кому-то из словаков показалось, что нас видели на венгерской границе и, удовлетворившись этим, бандиты прекратили свои поиски.

Начались дни, полные ожидания и страха. Мы боялись даже громко говорить, чтобы нас не услышали соседи.

После «ликвидации» беженцев, в местечке снова стало тихо. Эту тишину нарушали только бандиты, приезжавшие в Малинец по «хозяйственным делам», а «дел» было более, чем достаточно: в один прекрасный день были конфискованы все товары в магазинах и отправлены в Зволин. Через несколько дней то же случилось со спиртными напитками, изъятыми из ресторанов. Затем очередь дошла и до крестьян. Вначале из каждого дома взяли по корове, а затем начали брать все, что попадало под руку. Все эти конфискации сопровождались ругательствами и подкреплялись авторитетом оружия.

Время шло. Приближалась осень. Стало холодно, особенно ночью. Без света и достаточного количества пищи, без движения и не умываясь, мы начали болеть. Исчезала надежда на наше освобождение.

В конце месяца нашего пребывания на чердаке, мы услыхали пушечные выстрелы. Они были очень далекие, глухие, но все же свидетельствовали о том, что где-то идет борьба, и что кто-то гонит банды. Через несколько дней наши хозяева сообщили нам, что в Словакию прибыла немецкая армия и начала очищать территорию Словакии от коммунистических банд.

Выстрелы с каждым днем становились все слышнее.

В конце октября в Малинец снова прибыли повстанцы, долженствовавшие выловить всех «врагов», то-есть, оставшихся беженцев, а также и дезертиров из их отрядов. Снова начались расстрелы тех несчастных, убежище которых было обнаружено. По всему местечку были произведены обыски. Была объявлена всеобщая мобилизация мужчин в возрасте до 55 лет.

Особенно запомнилась одна ночь. Целую ночь в местечке шла стрельба, кто-то просил о помиловании, кто-то ругался. Утром к школе подъехали автомашины и подводы. На автомашины поспешно стали усаживаться бандиты, на подводы погрузили награбленное добро и поехали в горы. За ними пешком потянулось несколько оборванцев с карабинами на шнурках — бывших «чиновников» словацкого советского правительства. Мы поняли, что близится час нашего освобождения. На следующий день по улицам проехали немецкие танки. Мы спасены. Из 101 беженца, приехавших в сентябре в Малинец, нас осталось пять человек. И когда мы слезли с чердака, шатаясь, как больные, небритые, грязные, разучившиеся громко говорить — население всего местечка сбежалось смотреть на нас (особенно на священника, которого все считали расстрелянным), как на выходцев с того света.

Ващен

Ответственный редактор генерал-лейтенант Г. Н. ЖИЛЕНКОВ

Заместитель ответственного редактора А. КАЗАНЦЕВ

Wolja Naroda Verlag GmbH Berlin C 2, Magazinstr. 15-16. Hauptschriftleiter: Generalleutnant Georgij Schilenkow. Stellvertreter des Hauptschriftleiters A. Kasanzew. Druck: Wendt & Matthes G. m. b. H. Berlin C 2. Zur Zeit Anzeigenpreisliste Nr. 3 v. 20. August 1941 gültig. [illegible]